

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
М69

Компьютерный дизайн обложки
Елькина Екатерина

Михалкова, Елена Ивановна

М69 След лисицы на камнях / Елена Михалкова. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Идеальный детектив).

ISBN 978-5-17-114988-8

У детективов Макара Илюшина и Сергея Бабкина необычное дело. Их клиент – убийца. Впрочем, было ли убийство? Или это чья-то чудовищная мистификация?

Поиск жертвы, которой не было, подобен игре в салочки с призраком. Поднимаются тени прошлого, открываются давно забытые тайны, причудливо сплетаются правда и ложь. Победителей не будет. Сумеют ли детективы Бабкин и Илюшин не проиграть? И не разведет ли их огненный лисий хвост по разные стороны баррикад?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Михалкова Е., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ГЛАВА 1

* * *

— **Я** хочу, чтобы вы нашли пропавшего человека.

Красильщиков сделал жест, до странности противоречащий словам: будто этот человек стоял за дверью и его нужно было остановить во что бы то ни стало.

Люди, про которых ему сказали, что это лучшие частные детективы Москвы, ждали молча — спокойные и невозмутимые. Он предпочел бы любую другую реакцию. Любопытство. Недоверие. Насмешку. Все, что угодно, лишь бы избежать ощущения, будто он выступает перед судьями.

Теперь ему каждый встречный казался судьей. Ночью в дом попросился кот Арсений, и, впустив продрогшего зверя, Красильщиков внезапно схватил кота, уткнулся ему в шею и попытался зарыдать. Исторг из себя лишь нелепые булькающие звуки: так клокотал кран в его городской квартире,

когда летом отключали воду. Кот стал вырываться, пришлось спустить его на пол. На полу Арсений передернул шкурой и удалился, опасно поглядывая на хозяина.

Вспоминать об этом Красильщикову было стыдно. И неловко перед котом за малодушие.

— Мы как раз специализируемся на розыске пропавших людей, — мягко сказал один из сыщиков. — Вас не затруднит изложить детали, Андрей Михайлович?

Красильщиков вдруг совершенно успокоился.

— Детали таковы, — сказал он. — Я убил человека, спрятал тело и хочу, чтобы вы его нашли.

Наступило молчание.

— Как вы его убили? — спросил наконец тот же самый детектив. Его напарник за все это время не проронил ни слова. Если бы он не поздоровался, войдя, Красильщиков заподозрил бы, что он немой. Немой телохранитель.

— Не его, а ее, — сказал Андрей. — Я ее задушил.

Он сел на табуретку и посмотрел в окно. За окном стоял черно-белый мир, оттененный сепией. По тропинке ковыляла старуха Худякова. За Худяковой бежала собака Белка. Голубой пряжей вился над крышами дым.

Из этого мира его вскоре выдернут, точно нитку из тканой салфетки, которые он покупал в соседней деревне со странным названием Уржиха. Столько дел осталось...

— Пол Яковлевой не утеплит, — пробормотал он, на миг забыв о частных детективах.

Короткое покашливание вернуло его к реальности.

— Я задушил Веру Бакшаеву, — твердо сказал Красильщиков. — Пятнадцатого августа. Ровно три месяца назад.

— Она была вашей подругой?

— Я знал ее два часа.

Сыщик по имени Макар Илюшин откинулся на стуле и взглянул на него едва ли не одобрительно.

— Рассказывайте, — попросил он. — С самого начала.

Андрей Михайлович ненадолго задумался. Знать бы, где начало у этой истории... Когда он впервые увидел руины? Когда Ира сказала, что уходит, потому что не хочет больше мириться с его одержимостью?

Если здраво посмотреть на вещи, любую историю следует начинать словами «Я родился в таком-то году».

— Три года назад я купил этот дом, — сказал Красильщиков. — Все деньги, которые у меня были, вбухал в реставрацию. Честно говоря, я вложил сюда все, что имел. Это даже не о материальном... А вообще. В целом.

Он закурил, открыл форточку. Сигаретный дым, вместо того чтобы вытянуться наружу, сунулся туда на пару секунд и вернулся с целой толпой запахов: острым воздухом, рыбьей чешуей, гарью и чем-то железно-яблочным, словно за окном резали ножами антоновку.

— Я заключил договор с женщиной, которую звали Надежда Бакшаева. Покупка обошлась мне в три миллиона. Я бросил все свои дела в городе и начал заниматься восстановлением дома. Сейчас он практически закончен. Кое-что осталось приве-

сти в порядок на втором этаже, в музыкальных комнатах... И еще беседки! При Вершинине в саду были две беседки, очень красивые... — Красильников спохватился, что снова говорит не о том. — Я жил здесь очень счастливо и уже подумывал звать на следующее лето гостей. А затем появилась эта женщина.

Он вспомнил, как Вера обошла столовую, хозяйски похлопывая по старинным деревянным стульям, которые ему накануне привез мастер из Владимира. Оплывшая, неряшливая, с мучнистым лицом, на котором играла хитрая улыбка. Как остановилась напротив него, облизнула губы, и в душе у него шевельнулось предчувствие беды.

— Ее звали Вера Бакшаева. Она оказалась старшей сестрой Надежды. Земля и дом на самом деле принадлежали ей.

— Как так получилось?

— Они с сестрой похожи. Я заключил сделку с младшей, а настоящей владелицей была старшая. Вера показала мне завещание родителей: там говорится, что участок и разрушенный дом переходят ей, а второй дом, благоустроенный, с огородом и садом, остается ее сестре.

— Подождите, — остановил его Макар. — Все равно ничего не понял...

— Да что здесь понимать! Меня обманули, вот и весь сказ. Старшая Бакшаева была здесь последний раз десять лет назад и, уезжая, забыла паспорт.

Молчаливый «телохранитель» издал невнятный звук.

— Паспорт! — повторил Илюшин, прозревая. — Хотите сказать, младшая сестра по паспорту старшей продала вам вот это все?

Он сделал широкий жест рукой.

— Да. Никто из деревенских не знал, кому на самом деле принадлежала земля, которую я купил. Некому было вправить мне мозги. Надежда Бакшаева получила от меня три миллиона, а пятнадцатого августа явилась ее сестра Вера. С завещанием...

Показала завещание? О нет. Она тыкала этой проклятой бумагой ему в зубы. Она верещала так, что перепуганный кот обшипел ее и спрятался за буфетом. Она орала, что не позволит ее облапошить, что он у нее по этапу пойдет голый и босой, а когда Красильщиков пытался воззвать к ее разуму, выпалила ему в лицо, что на зоне ему не поздоровится, потому как обидел сироту, а правильные воры такого не прощают. Совершенно ошеломленный, Андрей не сразу понял, что «сирота» — это она о себе.

— В общем, она требовала назад свой дом.

— Вы же добросовестный приобретатель!

— Ну и что? Вера размахивала гражданским кодексом и цитировала мне наизусть целые параграфы. Я стал жертвой мошенничества, и она отлично это понимала.

Илюшин нахмурился, припоминая.

— В законе сказано о неотделимых улучшениях...

— Верно, — кивнул Красильщиков. — Я — добросовестный приобретатель. Добросовестный приобретатель имеет право получить от истинного соб-

ственника стоимость неотделимых улучшений. Я сказал об этом Вере, когда немного пришел в себя.

— А Бакшаева?

— Расхохоталась мне в лицо. Заявила, что у ее мужа в Москве квартира, они продадут ее и вручат мне мои «неотделимые улучшения» в денежном эквиваленте. Она выражалась несколько проще... Но смысл был именно таков. Я сказал ей, что за три года вложил сюда, по самой скромной оценке, двадцать миллионов. Что я сросся с этим домом... Вере было плевать. Она собиралась отдать деньги и вышвырнуть меня отсюда.

Он закурил. Теперь оба сыщика смотрели на него очень внимательно. Андрею Михайловичу даже показалось, что младший, задававший вопросы, догадывается о той части истории, которую Красильщиков утаил. О том, как он плакал перед этой наглой бабой. Как бухнулся на колени, умоляя не отнимать у него терем. Обещал найти любые средства, влезть в долги, дать ей столько, чтоб хватило до конца жизни.

Определенно, происходящее было Вере по душе. «Ты свое в хоромах пожил — дай другим пожить», — отрезала она. В каких хоромах? Еще полгода назад здесь были голые стены. Красильщиков пытался ей что-то объяснить, он поднялся с пола и твердил, отряхивая колени, что это ведь не дом — это музей, ему полторы сотни лет! — и только услышав ее хохот, осознал, до чего он смешон. «Не скули, лысина, — отсмеявшись, сказала Вера. — Иди вещи пакуй. Чемодан-вокзал-Тамбов».

«Сначала суд выиграй», — сказал Красильщиков, пытаясь собрать остатки самообладания. «Вы-

играю. — заверила Бакшаева. — Недолго тебе осталось. Эх, яблочко мое вкусное, — вдруг пропела она удивительно чистым голосом, — мы буржуя шуганули, морда гнусная».

На полке лежал гребень — безделушка, купленная вместе с салфетками. Единственным его безусловным достоинством был возраст: если верить бывшей хозяйке, гребень принадлежал ее прабабке. Красильщиков любил эту грубоватую поделку с вырезанной на деревянной ручке птицей Сири́н, длинной, как такса, и такой же носатой. Половину зубьев гребень потерял, и теперь в нем не осталось ни красоты, ни смысла, — лишь притязание на обладание тем и другим, да и то обращенное в прошлое.

Вера Бакшаева взяла его, повертела. И вдруг без всякого усилия переломила пополам. Высохшая от старости птица жалобно крикнула напоследок, и голова осталась у Веры в левой руке, а облезлый хвост — в правой.

— Меня к ней швырнуло, будто толкнули в спину, — сказал Красильщиков, глядя себе под ноги. — По-другому не описать. Перед глазами встала... не то чтобы пелена, а как будто из воды смотришь на тех, кто ходит по берегу. И в ушах пробки. Когда я очнулся, Вера лежала на полу мертвая.

Пальцы прилепились к ее шее. Он некоторое время всерьез рассматривал безумную идею, что зачем-то в беспамятстве намазал их клеем, пока не сообразил, что это судорога.

— Я проверил пульс. Пульса не было. Лицо у меня горело. Я подошел к зеркалу, оказалось, что

кожа расцарапана. Бакшаева сопротивлялась! Понимаете? Я ее убивал, а она сопротивлялась...

Красильщиков хотел еще что-то сказать, но замолчал. Он провалился в то состояние, когда сидел рядом с мертвым телом и не ощущал ничего, кроме невероятности происходящего с ним. Так, наверное, голова катится с плахи, еще успевая в угасающем сознании зафиксировать кувыркнувшийся мир и осевшее безголовое тело.

Ему казалось, он погрузился в воспоминания всего на несколько секунд. Но когда Красильщиков вынырнул, оказалось, что эти двое стоят перед ним. Громила протягивал стакан воды. Значит, успел сходить на кухню, налить, вернуться... Его младший напарник смял в пепельнице сигарету, которую курил Андрей Михайлович.

— Выпейте, — сказал «телохранитель».

Андрей отпил и только тогда увидел на штанах рассыпчатую гусеницу пепла. Он уронил сигарету и даже не заметил.

— Извините.

— Сможете рассказать, что было потом?

Андрей Михайлович вытер со лба холодный пот.

— У вас часом с сердцем проблем нет? — спросил громила.

Красильщиков усмехнулся:

— Были бы у меня проблемы с сердцем, я бы содох еще тогда, когда Бакшаева сообщила, что отнимет у меня дом. Не беспокойтесь. При вас не окочурюсь.

Он допил воду и перевел дыхание.

— Был август, ночь. Я сидел рядом с Бакшаевой и думал, что делать дальше. Когда-то в десяти ки-

лометрах отсюда был пионерский лагерь. Сейчас там все заброшено, даже домов не осталось. Один местный старик, Яковлев, притащил оттуда скульптуру пионера с горном. Она тяжеленная — армированный фибробетон... Соседи ему помогли. Сначала Яковлев хотел шутки ради установить горниста у себя перед домом, но постепенно эта идея позабылась. Вскоре и Яковлев скончался. У нас перед магазином, через дорогу, есть небольшая площадь. Я предложил вытащить пионера туда. Даже постамент заказал.

— Зачем?

Красильщиков пожал плечами:

— Вещи должны жить среди людей. В этом их смысл. И потом, горнист — это же история... Дети будут приезжать на каникулы, расспрашивать, родители станут им объяснять, как все было... Да. Так вот, за пару дней мы выкопали яму под фундамент. Горнист лежал рядом. Установить его мы собирались в выходные. Я вытащил тело Бакшаевой из дома, погрузил в тележку, — голос Красильщикова стал почти бесстрастен. — Отвез на площадь. Опалубка уже была готова. Сгрузил ее в яму, присыпал землей. Я знал, что самое опасное для любого убийцы — если труп раскопают собаки, но надеялся, что за несколько дней они его не отыщут.

— Вы действовали один? — спросил Макар.

Андрей удивленно посмотрел на него.

— Один, конечно. Убил-то я ее в одиночку. На следующее утро мы залили фундамент цементом. Я убедил односельчан, что действовать нужно быстрее. В четверг воздвигли постамент, и на него подняли горниста.

— А сестра убитой? — подал голос громила.

— Надежда не задала мне ни одного вопроса. Несомненно, прежде чем идти ко мне, Вера должна была побывать у нее, ей попросту негде было больше остановиться. Но с того дня, как я убил Веру, Надежда притворялась, что никого не видела. Это было в ее интересах: она ведь смошенничала, продавая мне участок и дом. Мы с ней не перекинулись ни единым словом. Я ждал, что она явится, но этого так и не случилось.

Громила кивнул, похоже, удовлетворенный объяснением. Фамилия у него была нелепая, до странности не соответствующая облику. Женская какая-то. Машкин? Теткин? Нет, кажется, Бабкин. То ли Семен, то ли Сергей...

— Значит, вы закопали труп и стали жить дальше, — сказал Макар Илюшин. — Так?

— Так.

— Вы кому-нибудь еще рассказывали о том, что случилось?

— Полиции, — ответил Красильщиков.

Бабкин с Илюшиным переглянулись.

— С этого места подробнее, если можно, — про-
басил первый.

— В октябре я понял, что дальше так жить не смогу. Я, собственно, понял это раньше, но до октября пытался переубедить самого себя. У меня ничего не получилось. Тогда я поехал в райцентр и написал явку с повинной.

Сыщики смотрели на него во все глаза. Они были до того похожи на детей, слушающих увлекательную сказку, что Андрей едва не рассмеялся. Похоже, им нечасто встречались раскаявшиеся преступники.

— Явку с повинной?

— Да.

— И что полиция? — недоверчиво спросил Бабкин.

— Они поехали вместе со мной откапывать труп Веры. Сняли горниста с постамента. Разрыли землю. Тела там не было.

Короткий изумленный свист, изданный громилкой, послужил Красильщикову слабым утешением: хоть кто-то удивился, кроме него. Двое хмурых ментов в тот день стояли возле разрытой могилы с такими лицами, будто ничего иного и не ожидали.

— Я клялся, что во рту у меня не было ни капли спиртного, что своими руками задушил женщину и сбросил ее труп в яму. Твердил, что я должен сидеть в тюрьме. Знаете, что они мне ответили? «Покажи тело — посадим». Им все было пофиг — хоть убийство, хоть явление Христа. Я пошел к Надежде... Она отказалась со мной говорить. Никакой сестры она не видела, а я сумасшедший.

— А улики? — спросил Макар Илюшин. — У вас остались вещи, доказывающие, что Вера была в вашем доме?

— Я же не идиот, — невесело усмехнулся Красильщиков. — Ночью уничтожил все следы. У Веры свалилась с ноги туфля, так я сжег ее, когда вернулся. Бросил в печь, а то, что скукожилось и не хотело сгорать, унес в лес и закопал. Хотя подождите...

Он встал, вышел из комнаты и вскоре вернулся с разломанным гребнем в руках. Положил его на стол перед сыщиками. Бабкин и Илюшин молча смотрели на деревянные обломки.